

УДК 94(476«1812»)(45)

**РУССКАЯ И ФРАНЦУЗСКАЯ МЕМУАРИСТИКА О ЛАГЕРЕ В ДРИССЕ
НА ТЕРРИТОРИИ ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ В ВОЙНЕ 1812 ГОДА**

*канд. ист. наук, доц. Т.П. ИВАНОВА
(Витебский филиал Международного университета «МИТСО»)*

Показано отражение в русских и французских мемуарах сведений об укреплённом лагере в Дриссе, представлена поляризация взглядов о роли Дрисского лагеря в военной стратегии начального этапа русско-французской войны 1812 года.

Ключевые слова: *русские и французские мемуары о войне 1812 года, укреплённый лагерь в Дриссе, роль Дрисского лагеря в войне 1812 года.*

Введение. Одним из интересных объектов русско-французской войны 1812 года является укреплённый Дрисский лагерь на территории Витебской губернии. Об этом историческом месте, связанном с временным пребыванием русской армии, есть достаточно много упоминаний в российских и французских мемуарах XIX века. Условно к этим мемуарам отнесем и воспоминания немцев, служивших в армиях Александра I и Наполеона. Исследуемая проблема в определенной степени отражает взаимодействие и трансляцию культур.

Несомненно, мемуары являются ценным историческим источником, способным восполнить небольшие, но важные факты, которые не вошли в документы официального характера. Как говорится в предисловии к изданию «Французы в России: 1812», «свидетельства современников донесли до нас детали, хранящие «вкус и запах времени», делающие картину событий более полной» [1, с. 6].

Основная часть. Записи событий 1812 года, происходивших на территории Витебской губернии, вел В.П. Тихановецкий. Его очерк был опубликован в нескольких номерах газеты «Витебские губернские ведомости» за 1891 год. В очерке обращается внимание на то, что из многочисленных планов военных действий, представленных Александру I накануне кампании 1812 года, был принят план, предложенный генералом К.Л. Фулем. Относительно лагеря в Дриссе В.П. Тихановецкий пишет следующее: «Военный лагерь русской армии, по мнению К.Л. Фуля, должен располагаться на расстоянии одного перехода от Друи, двух переходов от Полоцка, шести переходов от Витебска и мог служить прикрытием путей, ведущих из Вильно: 1) Через Друю на Петербург; 2) через Полоцк на Петербург; 3) через Витебск к Москве. Дрисский лагерь находился между Дриссой и д. Шатрово в изгибе Двины» [2].

Как пишет В.К. Добровольский, «по плану генерала Фуля предполагалось разделить главную армию на две части, чтобы при движении Наполеона одна часть действовала с фронта, а другая с фланга. На реке Западной Двине в Дриссе Витебской губернии были сделаны укрепления, и, по плану Фуля, 1-я армия Барклая де Толли должна была привлечь сюда Наполеона и вступить с ним в бой, тогда как 2-я армия Багратиона ударила бы с фланга. Это было бы возможно при равных силах с обеих сторон, но армия Наполеона оказалась слишком большой, чтобы можно было осуществить этот план в том смысле, чтобы соединить две армии в одну, но осуществить это тотчас же оказалось уже затруднительным» [3, с. 5].

Среди мемуаров по данной теме назовем труд известного военного ученого Карла фон Клаузевица «1812 год». К. Клаузевиц был назначен адъютантом к генералу К.Л. Фулю и имел прямое отношение к судьбе Дрисского лагеря и самого плана. Первая часть его книги носит название «Прибытие в Вильно. План кампании. Дрисский лагерь».

Фон Клаузевиц описывает месторасположение лагеря. «Плоская дуга, очерчивавшая фронт лагеря, была усилена по указаниям самого генерала Пфуля тройным рядом открытых и сомкнутых укреплений, а семь мостов должны были обеспечить отступление. По ту сторону реки не было никаких укреплений. На этом участке Двина, в сущности, представляет незначительную реку, хотя и довольно широкую, но крайне мелкую, так что через нее можно было переправиться даже вброд. Как видно уже с первого взгляда, тактическая сила этого пункта была невелика и сводилась единственно к силе укреплений».

К. Клаузевиц пишет и об авторе знаменитого плана и об отношении к нему Александра I следующее: «Император понимал, что «... на Пфуля можно смотреть лишь как на отвлеченный ум и что ему нельзя поручить никакой активной роли». К. Клаузевиц был послан с инспекцией в лагерь русских, чтобы проверить его готовность принять Первую армию. Свои наблюдения и выводы по поводу достоинств этого сооружения и его готовности он сообщает в городке Видзы собранию в составе графа А.И. Аракчеева, князя П.М. Волконского и его адъютанта ротмистра графа М.Ф. Орлова, полковника К.И. Толя. К.Л. Фуль обвинил Барклая де Толли в неверном исполнении его указаний, в оппозиции его плану и возложил на него ответственность за создавшееся положение. «Император призвал Пфуля, чтобы совместно с ним и несколькими другими офицерами своей свиты объехать лагерь... Судьба лагеря была решена. Перед лицом всей армии ее определило мнение видных штабных офицеров. Армия покинула лагерь и направилась, прикрываясь Западной Двиной, вверх по ее течению, к Полоцку» [4, с. 39–42].

Сведения из исторических мемуаров о расположении Дрисского лагеря подтверждаются и другими материалами – в частности, архивными. Так, в Предписании командующего 1-й Западной армией М.Б. Барклая де Толли начальнику инженерной службы К.И. Остерману о выборе мест для укрепленного лагеря и крепостей на западной границе от 14 марта 1810 года говорилось: «Государь император высочайше указать соизволил, чтоб ваше превосходительство отправились, как возможно наискорее в Витебск, где обозрев все окрестности, должны вы избрать возле Будилова выгоднейшее месторасположение для укрепленного лагеря, по числу войск 30 тыс. с провиантскими запасами на 2–3 месяца и начертать, сообразно выгодам того места предположения ваши разбросанным полевым укреплениям со взаимною обороною» [5].

В архивах сохранились и записки К. Клаузевица (фрагмент о Дрисском лагере): «Хотя система была очевидно, чересчур искусственна, число отдельных укреплений слишком велико, и вся система в целом, казалось, была продумана без достаточного практического смысла, тем не менее оборона этого укрепленного лагеря значительной массой войск, при хорошо известной храбрости русского солдата, позволяла ожидать очень упорного сопротивления...». К. Клаузевиц отмечал также, что «местность перед фронтом позиции на левом берегу реки не отвечала требованиям наступления т.к. лагерь здесь был окружен болотом и лесами, не допускавшими даже обзора сил противника... Русская армия избежала опасности (катастрофы) лишь благодаря чрезмерной неловкости и слабохарактерности Пфуля, которые похоронили его план раньше, чем он успел вызвать катастрофу» [5].

Н.Е. Митаревский в «Воспоминаниях о войне 1812 г.» в главе III описывает свои впечатления от нахождения в лагере при Дриссе [13]. «Под Дриссой стояли мы несколько дней. Получен был приказ послать приемщиков за получением провианта и фуража из запасных магазинов. Ротный командир отрядил меня с требованием. Верстах в двух от нашего лагеря, на правом берегу Двины, были выстроены из досок огромные лабазы. В них помещались сухари, мука, крупа и овес, сено было тут же в огромных скирдах... Послан я был в третий раз... я заключаю, что подрядчиками не было заготовлено следуемого количества и они давали деньги. Когда армия выступила из лагеря при Дриссе, не успев разобрать заготовленного в магазинах, которые потом сожгли, то кроме казны, заплатившей подрядчикам вероятно сполна, потеряли и подрядчики все то, что раздали деньгами. В это же время я ездил и в город Дриссу достать чего-нибудь для офицеров, но уже прежде прибывшими войсками в нем было все закуплено и я ничего не мог достать. Вся армия выступила из Дрисского лагеря по дороге в Полоцк» [6].

Представляет интерес и бюллетень поручика М.Ф. Орлова, служившего при штабе М.В. Барклая де Толли. М.Ф. Орлову приходилось работать с секретными документами в Главной квартире русской армии. Именно генерал-адъютант А.Д. Балашов и поручик М.Ф. Орлов являлись русскими парламентариями, предложившими от имени Александра I Наполеону мирное урегулирование конфликта после перехода французами русской границы без объявления войны. М.Ф. Орлов был приглашен на экстренный военный совет 22 июля 1812 года, поскольку он первым из русских побывал во французской армии и дал «связное и обобщающее представление о состоянии французской армии в целом». Особенно были важны его сведения о продовольственном обеспечении французов [7, с. 416–438].

Н.Н. Муравьев в своих «Записках» писал, что М.Ф. Орлов, вернувшись в Видзы, «привез известие, что французская армия претерпевает нужду, особенно конница» [8]. Об этом же сообщал и А.Н. Муравьев: «Орлов донес, что вся дорога от Вильны до Дриссы покрыта трупами французских кавалерийских лошадей, насчитанных им примерно до 800; таким образом армия Наполеона начала разрушаться от переходов, жары и неимения достаточного продовольствия» [9]. М.Ф. Орлов подробно описал расположение французских войск и проанализировал первоначальный замысел Наполеона, рассчитывавшего дать генеральное сражение под Вильной. «Обманутые в своих надеждах, – писал М.Ф. Орлов, – они составили новый план, который, кажется, исходит из разделения их сил. Этот план состоит в сковывании нашего левого фланга, – с тем, чтобы отрезать нас от центра нашей страны и разбить разделенную на части русскую армию» [7, с. 435–436]. М.Ф. Орлов сумел разгадать стратегический замысел Наполеона, что в дальнейшем и подтвердили военные события. А русское командование пришло к единственно правильному решению – покинуть «дрисскую мышеловку», идти на соединение со 2-й армией и не дать французам разбить русские корпуса поодиночке [10, с. 27].

Весьма интересны и воспоминания П.Х. Граббе, поручика конной артиллерии и адъютанта А.П. Ермолова [11]. М.В. Барклай де Толли, довольный выполнением П.Х. Граббе секретных поручений, взял его к себе в адъютанты, а затем под благовидным предлогом передачи ответа на депешу Наполеона отправил с конвертом к маршалу Бертье. Тайной целью поездки было разведать, «где главная квартира Наполеона, какие силы направляются на Дриссу, в каком положении войска французские, которых стараться увидеть, сколько возможно будет; какие там носятся слухи и надежды, и потому стараться не отдавать депеши на аванпостах, а под благовидным предлогом проникнуть, сколько можно, вглубь армии» [12, с. 420–430]. Из этой опасной разведывательной поездки вглубь французского расположения Граббе привез сведения о направлении и составедвигающихся французских сил, о настроении французских офицеров и солдат. Сведения, доставленные поручиком Граббе, сыграли свою роль в решении ведения начальной фазы войны.

«Совокупность полученных сведений достаточно убедила командование, «во-первых, что приготовленные для отражения нашествия на Россию средства далеко не соразмерны с огромными силами, введенными

ми в нее Наполеоном; во-вторых, что отступление 1-й армии в Дриссу, удалявшее ее от 2-й, была важная ошибка, требующая немедленного исправления, тем более что и позиция, избранная и укрепленная на Дриссе, оказалась вовсе не надежной, а главное и бесполезной, потому что не была бы и атакована, а каждый проведенный в ней день удалял бы возможность» соединения 1-й и 2-й армий» [10, с. 28–29].

Интересующему нас событию уделено значительное внимание в «Записках Бенкендорфа», вернее их части, посвященной войне 1812 года [13]. А.Х. Бенкендорф – пишущий по-французски русский немец. Он относился к тем людям, которые пришли служить в Россию из разных стран из «контрреволюционности», и для которых Россия стала святыней. Истинное (французское) наименование мемуаров – *Mémoires du comte Alexandre Benkendorf Général de cavalerie, Aide de Camp Général de S.M.E. l'Empereur de Russie* – дано не самим автором, появилось позднее, но при его жизни и относится к 1830-м гг. Современный российский источниковед Отечественной войны 1812 А.Г. Тартаковский называет это произведение «мемуарно-историческим сочинением». Он относит «Записки» к числу тех документов, что «проливают новый свет на ряд важных аспектов истории 1812 г.». В этих словах ученого даны и четкое типологическое определение, и оценка содержания мемуаров как уникального произведения о давно отгремевших событиях великой эпохи. Особое значение и ценность «Записок Бенкендорфа» определяется кругом проблем, которые они помогают осветить. Одна из главных – стратегический план высшего командования русских армий на начальном этапе войны. В качестве авторов этого плана А.Х. Бенкендорф называет самого царя Александра I, министра двора П.М. Волконского, а также полагает, что в какой-то мере участником разработки плана мог быть брат царя, принц Александр Вюртембергский [13, с. 79].

А.Х. Бенкендорф, говоря о знаменитом плане К.Л. Фуля, оценивает этот план как «классический образец сугубо кабинетной мудрости». «У плана Пфуля был тот же изъян, что и у печально знаменитой диспозиции, приведшей в 1805 году к катастрофе Аустерлица, – несоответствие действительному положению дел и пренебрежение возможными действиями противника».

Воспоминания А.Х. Бенкендорфа помогают определить роль Дрисского лагеря и в целом плана К.Л. Фуля в той системе действий, что была намечена русским командованием еще до вторжения французов, а также в системе реального осуществления. А.Х. Бенкендорф показывает, что строительство Дрисского лагеря (что стоило немалых средств), соответствующие писанные распоряжения, следование соединенных корпусов Первой армии к лагерю – все это должно было убедить французов в том, что русские действуют «по Пфулю». Работа по дезинформации французов была проделана огромная. Дрисский лагерь был использован для полного сосредоточения вынужденно разбросанных в начале кампании корпусов Первой армии и для выхода на правый берег Западной Двины. Дрисский лагерь полностью оправдал затраты на его строительство. Оставление лагеря было для Наполеона неожиданным [14].

А.И. Попов, изучавший воспоминания французов, пишет следующее: 20 июля Бертье отдал Удино приказ: «Занять укрепленный лагерь в Дриссе вашей третьей дивизией и полностью его разрушить. Проведя эту операцию, вы, господин герцог, образуете обсервационный корпус, чтобы наблюдать за Динабургом, занять Дисну и прикрыть всю операционную линию армии от Дисны до Вильны и не допускать никакого противника на левый берег Двины. Император с нетерпением будет ждать известия, что вы снесли до основания Дрисский лагерь». Вечером того же дня Б.Ю. Маре, герцог Бассано, оставленный в Вильно, сообщил Макдональду, что «противник эвакуировал свой укрепленный лагерь в Дриссе и сжег все свои мосты; кажется, что именно движения к Витебску и Днепру вызвали эту эвакуацию. Его Величество приказал сообщить вам эту новость и поторопить вас направиться к Двине, между Динабургом и Якобштадтом, в соответствии с вашими инструкциями, чтобы перебросить мост через Двину» [15].

Из французских мемуаров важно обратить внимание на двухтомный труд графа Филиппа-Поля де Сегюра «История Наполеона и Великой армии в 1812 г.» (*L'Histoire de Napoleon et de la Grande Armée pendant L'annee 1812*), опубликованный в 1824 г. Несмотря на то, что книга Сегюра разошлась массовым тиражом, она встретила неоднозначную оценку у современников. Многие из ярких бонапартистов, обожествлявших образ покойного императора, сочли этот труд Сегюра лживым и предательским. Против Сегюра публично выступил барон Гаспар Гурго, ординарец Наполеона в 1812 г. и верный его слуга в изгнании на острове Святой Елены. Гурго боролся за придание образу Наполеона в бурбоновской Франции героического характера. Возмущенный Гурго в 1825 г. издал свою работу «Наполеон и Великая армия в России, или Критический разбор материала г-на графа Ф.-П. де Сегюра». Конфликт между двумя бывшими наполеоновскими генералами зашел так далеко, что дело закончилось дуэлью между ними, к счастью, не имевшей серьезных последствий.

Во время кампании 1812 г. граф Сегюр находится в штабе Великой армии в качестве квартирмейстера и адъютанта Наполеона. Это позволяет ему из первых рук получать самую основную информацию, а также с особенным рвением фиксировать суждения и поступки императора. Он также сообщает, что укрепленный Дрисский лагерь был эвакуирован под Островно. Армия, оставив все позиции укрепления, возводившегося в течение двух лет, начала общее отступление [16, с. 53]. В 2014 году в Москве вышло полное издание книги Ф.-П. Сегюра «История похода в Россию. Мемуары генерал-адъютанта», ранее в России оно печаталось со значительными сокращениями.

«Записки маркиза де Пасторе» были изданы в журнале «Русский архив» в 1900 году [17]. Его воспоминания переизданы в 1916 году в «Витебско-Полоцкой старине» [18]. В 2004 году в книге «Наполеон в России в воспоминаниях иностранцев» опубликован фрагмент его воспоминаний [19].

В книге «Французы в России. 1812 г. по воспоминаниям современников-иностранцев», изданной в 3-х частях к 100-летию войны 1812 года в Москве, а также в книге «Наполеон в России в воспоминаниях иностранцев», изданной в 2004 году, содержится фрагмент воспоминаний «Дрисский лагерь» Рооса Генриха Ульриха, врача вюртембергского 3-го конно-егерского полка. Этот отрывок известен и под названием «Дрисский лагерь глазами французов». «При непрерывном приближении к главным окопам, необычайно высоким и снабженным большим количеством бойниц, у многих, вероятно, сердце забилося удвоенным или утроенным темпом. Чем больше мы подходили, тем тише становились все; не слышно было ни звяканья оружия, ни покашливания; ни одна лошадь не заржала; казалось, что и лошади умеют ходить на цыпочках. В любое мгновение мы ждали громового приветствия из этих окопов и их жерл и тихо подвигались к ним. Вдруг туман, застилавший нам глаза, рассеялся; тишина сменилась шепотом и затем хохотом; за огромными окопами не было ни одной пушки, ни одного солдата. Наверху бродил мужичок, которого раньше приняли за солдата, а посланные патрули скоро принесли известие, что русские на заре покинули свой лагерь и эти окопы. После того, как мы вследствие огромной нужды и затруднительных переходов уже понесли значительные потери людьми и лошадьми, и известие об уходе русских из лагеря под Дриссой подтвердилось. Армия продолжила свое продвижение и уже 22 июля оказалась на Дисне» [20, с. 103].

История с Дрисским лагерем произвела двойное впечатление на командующих и солдат французской армии. Одним отступление позволяло говорить о трусости русских, другие удивлялись беспечности, третьи видели в самом объекте свидетельство мощи противника. Так или иначе, все сводилось к одному: Великая армия продолжала наступать, а русские продолжали уходить вглубь страны, что все более беспокоило рядовых солдат обеих войск».

Изучаемому событию уделено внимание и в воспоминаниях маркиза Армана Огюстена Луи де Коленкура, бригадного генерала Наполеона. Впервые его воспоминания вышли во Франции в 1937–1940 гг. под названием «Мемуары герцога де Винченсе». На русском языке они изданы в 1933 г., затем в 1943, 1994 гг. под названием «Мемуары», в 1991, 2002 и 2004 гг. – под названием «Мемуары: Поход Наполеона в Россию».

Де Коленкур вспоминал: «17 июля 1812 года Наполеон выехал из Вильно, чтобы присоединиться к своей гвардии в Свенцянах. Там император получил донесения Неаполитанского короля, подробно сообщавшего ему о неудаче, постигшей его кавалерию. Одновременно он ему сообщил, что укрепленный Дрисский лагерь был эвакуирован русскими 18 июля и русская армия, оставив все позиции и укрепления, возводившиеся в течение двух лет, начала общее отступление. Багратион был бы отрезан от Баркляя и от южных губерний, если бы он не поторопился начать отступление» [21, с. 53].

Далее де Коленкур писал: «Одновременно было получено сообщение, что император Александр несколько дней тому назад покинул армию, выехал 18 июля из Полоцка и отправился в Москву, чтобы призвать народ к оружию. Решили, что он покинул армию, не желая, чтобы на него падала ответственность за последующие результаты военных действий, так как первые операции были неблагоприятны для русских: они разрезали армию и заставили эвакуировать укрепленный лагерь, который считался в России непобедимой преградой при наличии достаточно многочисленной армии» [21, с. 54]. И далее: «Император был страшно рад, когда узнал об эвакуации Дрисского лагеря, над укреплением которого русские работали в течение двух лет. Отъезд Александра из армии также казался ему успехом. Он с полным основанием приписывал его своим быстрым передвижениям, которые, помешав соединению главных сил русской армии, принудили Александра эвакуировать без боя свой лагерь, чтобы искать в более глубоком тылу тот пункт, где может произойти соединение... Он надеялся своими быстрыми маневрами принудить русскую армию принять сражение, которого он желал, или же деморализовать и изнурить ее непрерывным отступлением без боя» [21, с. 55]. У того же Коленкура читаем: «потерять надежду на большое сражение перед Вильно было для него все равно, что нож в сердце [21, с. 48].

Несомненно, имеются дальнейшие перспективы для исследования темы. Национальная библиотека Беларуси имеет значительную коллекцию рукописей об эпохе Наполеоновских войн на французском языке, в том числе воспоминания, дневники, исторические записки, корреспонденцию. В документах Витебского областного краеведческого музея хранятся: вырезка из газеты «Витебские губернские ведомости» за 1896 год с воспоминаниями де-ла-Флиза, доктора французской интендантской гвардии; отрывок из газеты «Новое время» за 5 (18) мая 1912 года с «Записками генерала графа де Сегюра», распоряжение губернатора графа Шарпантье (на французском языке) [22; 23; 24].

Выводы. В русских мемуарах отражены планы начальных боевых действий, расположение лагеря в Дриссе, его характеристики (как положительные, так и отрицательные), инспектирование лагеря Александром I, оставление лагеря русской армией, причины его оставления. Во французских мемуарах внимание в основном сосредоточено на оставлении лагеря русской армией, прибытии французских войск в этот район. Поскольку практически все выше названные мемуары были написаны после окончания войны, в них события, связанные с Дрисским лагерем, соотнесены с общей стратегией и тактикой действий русских и французских войск. В отличие от французской историко-мемуарной литературы, в русской наблюдается поляризации в

оценке роли Дрисского лагеря в войне от варианта недостаточной подготовки и укрепленности до хорошо продуманной тактики «скифской войны» и выполнения Дрисским укрепленным лагерем своей функции в деле объединения разрозненных войск Первой русской армии.

В память о событиях, связанных с пребыванием русской армии в Дрисском лагере, в 1912 г. к 100-летию Отечественной войны 1812 года в Дриссе поставлен обелиск (ныне Верхнедвинск Витебской области Беларуси, сквер на ул. Советской) [25, с. 159].

ЛИТЕРАТУРА

1. Французы в России. 1812 год. По воспоминаниям современников-иностранцев : в 3 ч. / сост. А.М. Васютинский, А.К. Живелегов, С.П. Мельгунов. – М. : Гос. публичная ист. б-ка России, 2012. – Ч. 1–2. – 736 с.
2. Тихановецкий, В.П. Военные действия в 1812 году на территории Витебской губернии / В.П. Тихановецкий // Витебские губернские ведомости. – 1891. – 26 окт.
3. Добровольский, В.К. Витебская губерния в Отечественную войну / В.К. Добровольский. – Витебск : изд-во Витебского реального училища, типогр. им. П.Подземского, 1912. – 21 с.
4. Клаузевиц, К. 1812 / К. Клаузевиц. – М. : Захаров, 2004. – 256 с.
5. Белорусский научно-исследовательский центр электронной документации. 2006–2016 [Электронный ресурс] // Архивы Беларуси. – Дата доступа: 10.04.2016.
6. Митаревский, Н.Е. Воспоминания о войне 1812 г. / Н.Е. Митаревский. – М. : типогр. А.И. Мамонтова и К^о, 1871. – С. 1.
7. Тартаковский, А.Г. Бюллетень М.Ф. Орлова о поездке во французскую армию во время войны 1812 года / А.Г. Тартаковский // Археографический ежегодник. – 1961. – С. 416–438.
8. Муравьев, Н.Н. Записки / Н.Н. Муравьев // Русский архив. – 1885. – № 9. – С. 77–78.
9. Муравьев, А.Н. Автобиографические записки / А.Н. Муравьев // Декабристы. Новые материалы. – М. : [б.и.], 1955. – С. 177.
10. Павлова, Л.Я. Декабристы – участники войн 1805–1814 гг. / Л.Я. Павлова. – М. : Наука. – 1979. – 129 с.
11. Глазырин, Е.В. События русско-французской войны на Полотчине во французской историко-мемуарной литературе [Электронный ресурс] / Е.В. Глазырин, Т.Н. Глазырина. – Полоцк. – 2012.
12. Граббе, П.Х. Из памятных записок / П.Х. Граббе // Русский архив. – 1873. – № 1. – С. 809–817.
13. Записки Бенкендорфа / 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников : материалы Военного-учетного архива Главного штаба / сост.: генерал-майор В.И. Харкевич. – Вильно. – 1903. – Вып. II. – С. 53–138.
14. Грюнберг, Н.П. История 1812 года и «Записки Бенкендорфа» [Электронный ресурс] / Н.П. Грюнберг // Российский мемуарий.
15. Попов, А.И. Первое Полоцкое сражение (боевые действия на Западной Двине в июле-августе 1812 г.) / А.И. Попов, Ежов А.Н. – М. : ООО «Книга». – 2010. – 120 с.
16. Сегюр, Ф.-П. История похода в Россию. Мемуары генерал-адъютанта / Ф.-П. Сегюр. – М. : Изд-во «Захаров», 2014. – 488 с.
17. Пасторе, А.Д. Записки маркиза Пасторе о 1812 / А.Д. Пасторе ; пер. с франц., примеч. П. Бартенева // Русский архив. – 1900. – Кн. 3. Вып. 12. – С. 481–548.
18. Материалы для истории Отечественной войны 1812 г., извлеченные из Витебского губернского архива / Полоцко-Витебская старина. – Витебск : издание Витебской учен. архивн. комиссии, 1916. – Вып. 3. – С. 242–306.
19. Ерофеев, В. Наполеон в России в воспоминаниях иностранцев : в 2 кн. / В. Ерофеев. – М. : Изд-во «Захаров», 2004. – 560 с.
20. Роос, Г. С Наполеоном в Россию: записки врача Великой армии / Г. Роос ; пер. с нем., под ред. И.Н. Бородулина. – М. : Книгоиздательство Сфинкс, 1912. – 334 с.
21. Коленкур, А. Мемуары: Поход Наполеона в Россию : пер. с франц./ А. Коленкур. – М. : Госполитиздат, 1943. – 375 с.
22. Вырезка из газеты «Витебские губернские ведомости» за 1896 год с воспоминаниями де-ла-Флиза, доктора франц. интендантской гвардии // Витебский областной краеведческий музей (далее – ВОКМ). – КП 7265/3.
23. Отрывок из газеты «Новое время» за 5 (18) мая 1912 года с «Записками генерала графа де Сегюра» // ВОКМ. – КП 7265/4.
24. Распоряжение губернатора графа Шарпантье (на французском языке) // ВОКМ. – КП 7265/1.
25. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Віцебская вобласць / АН БССР ; Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ; рэд. кал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.] – Мінск : Беларус. сав. энцыкл., 1985. – 496 с.

Поступила 06.05.2016

RUSSIAN AND FRENCH MEMOIRS ON DRISSA CAMP IN VITEBSK PROVINCE DURING THE WAR OF 1812

T. IVANOVA

The article shows a reflection in Russian and French memoirs information about the fortified camp at Drissa, represented the polarization of views about the role of Drissa camp in the military strategy of the initial stage of the Russian-French war of 1812.

Keywords: *Russian and French memoirs on the war of 1812, fortified camp at Drissa, role of Drissa camp in the war of 1812.*